

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/210-225

Научная статья

© М. А. Андриянина

ПУТЬ ПОСЛЕДНИЙ, ПУТЬ БЕЗВОЗВРАТНЫЙ И ВОСКРЕСЕНИЕ: ДОРОГИ ДУШИ И ТЕЛА В СЛАВЯНСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ПУТЬ ДУШИ

После распада единства тела и души с наступившей смертью, душа какое-то время находится рядом с телом, путешествует по мирозданию и посещает родное жилище, сперва находясь в нем постоянно, потом все реже возвращаясь в него, переходя на его периферию, все дальше переселяясь в иной мир, постепенно становясь одним из предков. Если путь тела на кладбище должен быть безвозвратным и окончательным, душа, наоборот, возвращается домой на поминки, где происходит раздел доли между живыми и умершими, поддерживается взаимовыгодное общение двух миров; она посещает близких по весне, когда души вместе с вернувшимися птицами и ожившими растениями наполняют природу. Окончательное возвращение души достигается ее переселением в новое живое существо, младенца, зверя, птицу или даже дерево. Именно этим различаются пути погребальной и поминальной обрядности, часто предназначенные для разных членов метафизического единства человеческого существа, тела и души.

Ключевые слова: душа, тело, смерть, путь, похороны, переворачивание, поминки, реинкарнация

Ссылка при цитировании: Андриянина М. А. Путь последний, путь безвозвратный и воскресение: дороги души и тела в славянской погребальной обрядности. Часть вторая: путь души // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 210–225.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/210-225

Original Article

© Maria Andrunina

THE LAST JOURNEY WITH NO RETURN AND RESURRECTION: DIFFERENT WAYS OF BODY AND SOUL IN SLAVIC FUNERAL RITE. PART TWO: THE ROUTE OF THE SOUL

After death dissolves the soul-body union, the spirit lingers some time near the forsaken body, travels around the universe and visits the home occasionally. First, it

Андриянина Мария Александровна — к. филол. н., научный сотрудник Отдела европейских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: mary-andr@mail.ru

persistently stays at home, but with time it comes back less and less often, moves to the periphery of living space, coming farther and farther to the world of the dead, and eventually becomes one of the ancestors. The journey of the corpse to the cemetery also shared with the soul must be without return, transgressed by no one, and different from the roads of living thus preventing death from returning. On the contrary, the soul of the dead is expected to return to take part in remembrance rites, where the fates and shares of the living and the dead are measured and divided and mutually beneficial communication is held. In spring souls of the departed also visit the living relatives, coming back from the dead with the waking nature, returning birds, and reviving herbs. The ultimate return of the soul comes with the reincarnation to a newborn baby, young animal, bird, or even tree. That is the crucial difference between the roads of funeral and remembrance rites designed for various parts of personal metaphysical union: the soul and the body.

Keywords: *soul, body, death, way, funeral, remembrance, inversion, reincarnation*

Author Info: **Andrunina, Maria A.** — Ph.D. in Philology, Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: mary-andr@mail.ru

For citation: Andrunina, M. A. 2025. The Last Journey with no Return and Resurrection: Different Ways of Body and Soul in Slavic Funeral Rite. Part Two: The Route of the Soul. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 210–225.

Тема странствия души на «тот свет» охватывает всю погребальную и поминальную обрядность, зачастую начинаясь раньше ее: уже приметы смерти побуждают человека начать подготовку к этому пути, а агония знаменует выход в дорогу. Символический ряд примет и предвестий смерти насыщен образами дороги и странствия: «Всяко показываеца: птїчка постўкае, а то так постўкае, не вїдно: «Собирайся ў дарогу». Там дом (туй сьвет), а ўто гўсти» (Верхний Теребежев, столин., брест.) (ПА); сон о сборах в дорогу предвещает смерть (полес.) (*Конобродська* 2007: 55); если больной говорит в бреде о дороге, лошадях и конной упряжи, то он умрет (бел.) (*Никифоровский* 1897: 279); смерть больному предвещает проторенная женщинами тропинка к его дому (рус.) (РПП: 402). В подблюдных песнях смерть иногда загадывается через символику пути: «На пороге сижу, всё дороги гляжу» (рус. смол.) (СМЭС 1: 668). При заколачивании гроба в Полесье причитали: «<...> Да куда ж ты уезжаешь, / Да куда ж ты заховайси? <...>» (Выступовичи, овруч., житомир.) (ПА). В польской погребальной песне «ubity gościnię» [проторенная дорога] — дорога умершего на «тот свет» (*Adamowski* 1999: 166), в русских причитаниях говорится: «Куда снарядилась, куда сокрутилась, Моя красна красигорка? Во котору путь-тропу, широкую дороженьку?» (*Невская* 1990: 137).

Представления о пути души в мир иной широко отражены в погребальной терминологии, например: *к выходу* ‘к смерти’, *подорожник* ‘кусоч холста, который дается первому встречному на похоронах’ (рус. костром.) (*Невская* 1980: 229), *подорожная* ‘молитва, которую кладут в гроб’ (рус. урал.) (СД 4: 359); *брód* (полес.) (ПА), *на дорози, на дороги* (полес.) (*Конобродська* 2007: 61) ‘агония’; агонизирующий *брэдэ-ть*, «В дарогу (собрался)» (Бельск, кобрин., брест.), «Сабираеца в дарогу», «Идэ в дарогу», «Збираеца у паслédни пуць» (Туховичи, ляхович., брест.), «Иде у опо-

кóйство, у дáльнуюю путь» (Курчица, новоград-волын., житомир.), «Ў свою дорóгу ўбiраеца» (Замошье, лельчиц., гомел.), «На дорóзе, кáжуть» (там же), «Кáжуть шчо людýна збыраець в дорóгу» (Забужье, любомл., волын.), «кáжуть у нас, што ў дорóгу собираеця» (Копачи, чернобыл., киев.) (ПА); *e na пtя* ‘агония’, *пtник* ‘покойный’, ‘обрядовый хлеб на похоронах’, *пtнина* ‘поминальный хлеб’, ‘свеча на гробе’; ‘деньги, которые бросают в могилу’, *пtничка* ‘булочка на похоронах’, *пtненци* ‘полотенца, раздаваемые на погребении’, *пtнице* ‘одежда покойного, которую кому-либо отдают’ (болг.) (Седакова 2004: 229). Во время агонии старались не шуметь, чтобы не помешать душе выйти из тела и уйти в поусторонний мир, что также выражалось через термины дороги и путешествия: женщина, которой «перебили смерть», жалуется «<...> Ну, чаго ж вы мяне ад зялёнай дарожкі адвялі? Я ж ішла па зялёнай дарожцы, гэдак мне добра было» (ТМКБ 2: 377).

Идея смерти как выхода человека из пространства живых воплощалась в таких приемах облегчения агонии как вынесение, выведение человека из дома (полес.) (Конабродська 2007: 76), в Белоруссии и в Польше умирающего укладывали вне дома в хозяйственных помещениях (на гумне, в хлеву и пр.). Открывание в этой ситуации всех локусов, имеющих значения выходов из дома (дверей, окон, дымохода) помогали умирающему скорее покинуть дом, а душе — тело. Для облегчения агонии человека могли сажать или укладывать на пороге, символически указывая ему на первый этап обрядового пути: «Лежаў, лежаў, а тады кáжэ: <...> «Пасади на парóжэк» — и лёг на лóжок и тады памёр» (Ровбицк, пружан., брест.) (БФЭЛА).

Некоторые элементы снаряжения покойника были призваны облегчить ему дорогу на «тот свет», одновременно показывая, что он мыслился как длинное и трудное путешествие во мраке: умершего обували в льняные самодельные тапочки или лапти «полегче, пореже, чтоб легче идти» (рус. смол., псков., костром.) (Листова 1993: 54); в Белоруссии в гроб клали восковую свечу, чтобы она освещала умершему дорогу на страшный суд (ППГ:131). В Кракове говорили, что «душа умершего идет тернистой дорогой, полной крутых скал через разные края, до чистилища она спускается через глубокий колодец» (Biegeleisen 1930: 77).

В качестве символов пути могли выступать некоторые предметы, в первую очередь, нитки и полотно, а иногда еще волосы. В Полесье «Кладу́ть пад пóяс палатéнца — шоб утираўся, пад бок палатно́ — это ягó дарóга б́удэ — пад бок надо бéлое клáсть» (Присно, ветков., гомел.) (ПА); «И хоть кисей, хоть полотно́ нóвое (кладут в гроб сверху, накрывая покойника): душа б́удеть переплыва́ть через э́то полотно́» (Челхов, климов., брян.) (ПА), в Белоруссии клали покойника на застеленную полотном лавку «Ето шчытаецца, ложкацца на дарогу, чалавеку сцеляць дарогу» (Левки, стародорож., мин.) (ПМА). В Архангельской области в гроб клали обрез ткани, «чтобы на тот свет дорожка ровной была» (Добровольская 2005: 109). Наоборот, перепутанность, связанность символизировавших путь предметов могла мешать умершему достичь «того света»: в Полесье говорили, что «Нэ мóжна ничóго в́ышытого хорон́ить, бо б́удэш на том св́ити плута́ть» (Журба, овруч., житомир.) (ПА); «<...> ў дярэ́ўне пакóйник, тóжэ не начина́й снаваць, не засно́вывай дарóгу»¹ (Золотуха, калинкович, гомел.) (ПА). На западной Украине все кровные родственницы умершего расплетали волосы до похорон, «чтобы умершему не была заплетена дорога на тот свет» (черновиц.) (Гнатюк 1912: 233).

¹ Те же запреты касались поминальных дней (см. далее).

Как символ дороги также могли осмысляться половицы в доме (рус.), поэтому умирающих и покойников старались положить вдоль них: в Заонежье для ускорения смерти умирающего клали вдоль половиц на пол, застеленный соломой (Логинов 1993: 130); покойников клали вдоль половиц (рус.) (Байбурин 1983: 179) и никогда — поперек матицы (рус. смол.) (СМЭС 2: 26).

Путешествие души имеет множество этапов: сначала она покидает тело и родной дом, согласно различным представлениям, видит ад и рай, но до погребения не покидает тело надолго и не уходит далеко (Толстая 2008: 380–421). Согласно множеству поверий, до погребения душа умершего находится в доме рядом с телом: «Po śmierci człowieka, dusza wychodzi z ciała i staje po prawej stronie, i dotąd tam stoi, dopóki nie pogrzebią trupa» [После смерти человека душа выходит из тела и становится с правой стороны, и стоит там до тех пор, пока тело не похоронят] (ZWAK 1878: 127). Находящаяся в доме душа умершего может быть невидимой, проявлять себя разными звуками, либо принимать облик некоторых живых существ: «И яна ўсё чуе, што мы плачэм, толька яна ужэ не можэ, сказаць не може нічога, тагда гавораць, што ана ўсё чуе, ўсё знае, и яна плачэ разем с нами, душа. Вот такое» (Терасполь, слуц., мин.) (ПМА); «Дух прыходзиць, душа што выходзиць, их увидзець нельзя. Ані ўсё слышаць, а мы ж не слышым. Бывае, што кажуць, што загробная жыцця ёсць. Душа выходзиць, значыць што-та ёсць, патаму што бываець, умер и што-та дома сьніцца и видно, што хто-та ходзиць па хацэ, и чутна, хто-та ёсць, душа» (Славинск, слуц., мин.) (ПМА); «Юн ходзе по всюю хацэ, мой мужык памьёр, дак гдзе-та часоў в двянаццаць у серванце чашки дзын-дзын-дзын. Чаго ані дзын-дзын-дзын? Ето юн быў. Ета да сарака дьней у хацэ» (Лядно, слуц., мин.) (ПМА); «Где какая муха пролятит, [говорят]: вот душа лятае. <...> Просто муха, матылёк [пролетит, говорят]: от душичка его летае» (Хоробичи, городнян., чернигов.) (ПА). По разным представлениям, душа находится рядом с телом до зауспокойного колокольного звона, до перехода погребальной процессии через ворота кладбища, до заколачивания гроба, до засыпания могилы землей (пол., з.-укр.).

Предполагалось, что душа умершего обязательно должна была принимать участие в погребальном шествии¹: «Як умрэ мерэц, везўт его — за йим душá плаче, идэ за йим и плаче, шо она́ без тэла остаёца» (Чудель, сарнен., ровен.) (ПА), «Идзёць (душа за гробом), ето гавораць, што душа сьледом идзе» (Терасполь, слуц., мин.) (ПМА). Душа умершего может быть невидимой, стоять с правой стороны от тела (пол. добжин.) (ZWAK 1878: 127) или идти следом за гробом, поэтому участникам процессии нельзя находиться слишком близко к возу с телом (пол. кашуб.) (Sychta I: 205). Иногда встречаются представления, что душа умершего может на время вселяться в коня, везущего гроб: в Витебской губ. считали, что душа «припадаиць» в лошадь, поэтому после похорон ее отводили на гумно на три дня и не использовали в сельскохозяйственных работах, «чтобы не томиць души нябожика» (ППГ: 119; Седакова 1990: 57–58). В Польше, если кладбище было недалеко, возница не садился на воз, а вел коня за узду «bo to ulga dla zmarłego» [так легче умершему] (КРАЕ: 135); коня, везущего гроб, запрещено погонять кнутом, иначе в поле семьи умершего не уродится лен (пол.) (Fischer 1921: 286), «uderzył duszyczkę lecącą nad wozem» [ударил душичку, летящую над возом] (пол. сандомер.) (Kotula 1962: 142).

¹ См. первую часть статьи «Путь последний, путь безвозвратный и воскресение: дороги души и тела в славянской погребальной обрядности. Часть первая: путь тела».

Присутствие души покойника в процессии было гарантией успешного преодоления «разлома» в мире, созданного смертью, поэтому предпринималось множество ритуальных действий, чтобы заставить душу двигаться вместе с процессией на кладбище, а не оставаться в доме (напр.: стукание гробом о порог, провожание умершего с поминальной пищей, символический раздел доли, открывание окон и дверей и пр.). Медленный ритм движения погребального шествия и многочисленные остановки помогали душе умершего успевать за процессией, не задерживаться ни в каком локусе домашнего или природного пространства. В Польше известен обычай в начале пути на кладбище троекратно трогаться с места и останавливать воз, это делалось для того, чтобы душа успела сесть на гроб, а не осталась бы дома пугать его обитателей (Малопольша и Силезия) (КРАЕ: 132–133). Погребальная процессия должна была остановиться в определенных местах (на перекрестках, границах, мостах) и только после молитвы, жертвы и подобных обрядов снова трогаться с места для того, чтобы предотвратить возвращение души покойника в свой дом (пол. силез. и др.) (*Biegeleisen* 1930: 207). Те же мотивировки были и у противоположных действий: верили, что погребальная процессия не должна останавливаться, иначе произойдет смерть в том селе и в том доме, где она задержалась (пол. мазовец.) (*Kolberg* 41: 398). С другой стороны, движение с большей скоростью, чем у процессии, также оценивалось негативно: запрещено обогнать ее на коне, иначе в деревне случится большое несчастье (бел. пин.) (*Булгаковский* 1890: 186).

На похоронах в могилу помещали или оставляли сверху предметы, призванные облегчить умершему дорогу на «тот свет»: носилки, на которых несли гроб, сани (в.-слав.) (СД 3: 268). По древнерусским свидетельствам, в могилу вместе с умершим полагались сплетенные из ремней лестницы (возможно, для влезания на «тот свет», который часто помещался наверху горы или дерева): «И по мертвыхъ ременныя плетенія древолазныя съ ними въ землю погребаяуще» (*Афанасьев* 1995 1: 64). У восточных славян было принято на некоторое время оставлять на могиле сани (СД 3: 268) и носилки для несения гроба (рус. заонеж.) (*Логинов* 1993: 164); в Заонежье и во Владимирской области — полотенца и холсты, на которых спускали гроб в могильную яму. Такие холсты и полотенца воспринимались как символ дороги, пути в потусторонний мир, который начинался в открытой могиле: «Опускали на полотенцах. Дорога шире будет, а если на веревках — то еще ноги спутает», «Полотенце это дорога. По широкой дороге покойнику легче туда перейти. <...>» (рус. заонеж.) (*Логинов* 1993: 163); на похоронах полотенца дарили тем, кто опускал гроб, чтобы они молились о благополучной переправе умершего на тот свет (рус. заонеж.) (*Логинов* 1993: 164). Во Владимирской области в могилу бросали «<...> полотенце — чтоб реку огнену перейти, а если нет полотенца — катушку ниток перекинут через могилу, чтоб по нитке перешел» (рус. владимир.) (*Добровольская* 2005: 109).

Путь погребальной процессии оказывается однонаправленным, непрерывным или со множеством остановок, которые должны были обеспечить следование души за телом в потусторонний мир, заново разделить миры живых и мертвых, наделить умершего его долей имущества, чтобы она не имела претензий и не возвращалась за своим, очиститься от всего связанного со смертью, предотвратить ее возвращение в село. Поэтому движение в обратном направлении, навстречу процессии повсеместно воспринималось как недопустимое, опасное, как тревожный прогностический знак, также как и движение наперерез. В поверьях и запретах, касающихся движения погребальной процессии часто можно встретить идею «смерти», которая будто бы

является отличной от тела умершего и его души сущностью, которая может снова вернуться в село при нарушении традиции.

Очень часто встречаются запреты идти или ехать навстречу погребальной процессии. Встретив в дороге погребальную процессию, польский крестьянин оценивал любую работу, которой он в тот момент занимался, как напрасную: везущий, например, навоз должен был выбросить его с воза в том самом месте, где ему повстречался гроб, вернуться домой и уже в этот день не браться ни за какую работу (хелмин.) (*Kolberg* 33: 186). Мотивировки этого запрета в большинстве случаев были основаны на опасности повторения смерти: если кто-то едет навстречу погребальной процессии, его следовало развернуть, иначе он снова привезет смерть в селение (пол. мазов.) (*Dworakowski* 1935: 154); верили, что встреча с процессией в последней деревне на пути ее следования на кладбище предвещает смерть в этом населенном пункте, «так как смерть пересела на встречный воз и будет искать новую жертву» (пол. мазов.) (*Kolberg* 27: 150); встреча с процессией предвещает смерть встретившему либо другому человеку в селе (пол., бел., з.-рус., серб.) (СД 4: 311). В некоторых случаях по ранней или более поздней встрече с процессией предсказывали время следующей смерти: «Tutaj na przykład jak ciało na droge wyszło i jak nadjechał z naprzeciwko samochód, ale w bliskim, dopiero co wyjechał i już nadjechał ten samochód, to prędko ktoś umrze. A jak w dłuższej to później. <...>» [Тут, например, как тело на дорогу вывезли, и если сразу навстречу едет машина, только что выехали и сразу едет машина, то скоро кто-то умрет. А если не сразу [встретили], то позднее [смерть будет] <...>] (поляки на Буковине) (*Stefaniuk* 2005: 86).

Запрет оглядываться назад относился как к участникам погребального шествия, так и ко встречным, переживающим проход провожающих с гробом. Нарушение данного запрета также предвещало быструю смерть: в Люблине считали встречу с процессией в дороге дурным знаком и запрещали оглядываться ей вслед, «чтобы не навлечь на себя большего несчастья» (*Biegeleisen* 1930: 83), провожая покойника в последний путь, нельзя было оглядываться, иначе в этой деревне вскоре кто-то еще помрет (бел.) (*Кухаронак* 1990: 224), везущий умершего возница не должен был оглядываться, иначе умрет кто-то из родственников покойника или даже вся его родня (пол. мысл.) (*Biegeleisen* 1930: 84); если оглянется конь, запряженный в катафалк, то снова в селе случится смерть (пол.) (*Biegeleisen* 1930: 11, 84). Уходящие домой провожающие после одной из прощальных остановок не должны были оглядываться, иначе умерший по ночам будет приходить и пугать нарушителя запрета (пол. ленчиц.) (*Kolberg* 22: 40). Русские и полешуки с кладбища уходили, не оглядываясь (ППГ: 151; *Логинов* 1993: 5); не оглядывались и не останавливались, «чтобы не догнал покойник» (рус. помор.) (*Логинов* 1993: 5).

Дорогу перед погребальным шествием нельзя пересекать (полес., рус. смолен., серб. драгач., макед. велес.) (СД 3: 311), а следовало дождаться за забором ее прохода, иначе в селе умрет еще кто-нибудь (пол. белосток.) (ППГ: 155) или умрешь сам (рус., макед.) (СД 3: 311); «Калі несўць пакойніка, прахадіць дарогі незя» (Грабовка, гомел., гомел.) (ПА); «U nas to sie mówi, że to wyjadzie sie ze zmarłym z domu i na drodze przejedzie jakaś fura, coś maszyna coś, to sie zdyba tak predko z czymś, to wtedy mówio, że będzie jakiś zmarły, drugi będzie» [У нас говорят, что как выедут с умершим из дома и дорогу переедет какая-нибудь фура или машина, если скоро встретишься с чем-нибудь, то говорят, что будет другой покойник] (поляки на Буковине) (*Stefaniuk*

2005: 86). Если пересечь дорогу покойнику, то на лице у нарушителя или на морде у его коня вырастет опухоль, нарост (рус. белгород.) (*Гнатюк* 1912: 413). Пересечение дороги связано с ее символическим «закрытием», поэтому на Украине по возвращении с кладбища трижды перебежали дорогу туда и обратно, чтобы покойник не возвращался в село (СД 1: 146). Ту же семантику имеет обычай выгонять домашних животных из помещения, где находится покойник, чтобы кот или собака не смогли перескочить через умершего или пройти под его ложем, иначе покойник не уйдет на «тот свет» и будет «ходить» (пол.) (*Biegeleisen* 1930: 163).

Идея невозвратности прослеживается в комплексе предпринимаемых в погребальной обрядности ритуальных действий с иным вектором: движении наоборот, по кругу, переворачивании, которые были призваны запутать душу умершего и смерть, затруднить им обратный путь в человеческий мир¹. Рассмотрим эти приемы подробнее. Действия с вектором «обратности» начинались еще в доме умершего: в некоторых случаях перед выносом гроб на короткое время переворачивали так, чтобы лицо покойного обратилось к иконам. Верили, что в этот момент усопший последний раз молится в родном доме, «с белым светом прощается» (рус. заонеж.) (*Логинов* 1993: 155). «<...> Например, ў двенадцать покойника обычно выносят, в одиннадцать часов уже зажигают три свечки, перявёрнуть гроб — уже головой ляжить в хате, головой к порогу, а к иконам ногами. Постоить он, свечки погорять <...>. И потом свечки гасють, святой водой поливають, опять покойника переворачивают ногами и выносят» (рус. смол.) (СМЭС 2: 60). В отличие от нормальных умерших, головой вперед из дома выносили колдунов (рус. вологод.) (*Толстой* 1995: 214).

Не только у славян, но и по всей Европе распространен обычай после выноса гроба из дома переворачивать и передвигать на нем в другое место мебель, посуду, скамейки и доски, на которых стоял гроб (*Biegeleisen* 1930: 209). Делали это для того, «aby dusza poszła, a nie została w mieszkaniu» [чтобы душа ушла, а не осталась в доме], «żeby dusza nie poznała domu» [чтобы душа не узнала дома], «aby zmarły nie wrócił i nie siadał na te stołki» [чтобы умерший не вернулся и не садился на эти табуретки], «aby śmierć nie miała na czym usiąść» [чтобы смерти было негде сесть], «aby stołki nie czekały na następną śmierć» [чтобы табуретки не ждали следующей смерти] (КРАЕ: 125); «чтобы на ней не осталась душечка, чтобы вечно не блуждала возле дома» (пол. сандомер.) (*Kotula* 1962: 141); «чтобы умерший не вернулся и не забрал с собой кого-то из домашних» (пол. познан.) (*Biegeleisen* 1930: 208); «Перавернуць [скамейки при выносе], сесци а патом перавернуць. А для таго штоб не баяўса, каб не баялася [покойника]» (Юндылы, пружан., брест.) (ПМА).

В некоторых местах для выноса выбирали не обычные, а особые выходы из дома. Покойника могли пронести через хозяйственные ворота, что также являлось частью прощания умершего с домом и хозяйством, гарантией от возвращения покойного и смерти домашней скотины, разделением «доли» между живыми и умершим. «Тяперь жа выносяць ў дверь, [покойника], а раньне ж выносили обычна в ты́и варо́ты, где скот. Выносяць с хаты и через двор нясут пакойніка <...>» (рус. смол.) (СМЭС 2: 61); на Русском Севере вынос умерших через хлев и заднюю дверь считался распространенным явлением (*Зеленин* 1991: 348–349).

Из дома умершего иногда выносили не через дверь, а использовали для этой цели окно, дымоход, лаз под порогом, пролом в стене. Вынесение умерших из дома через

¹ Об идее «перевернутости» в погребальном обряде также см.: *Плотникова* 2013.

иной выход оказывается реликтом общего в прошлом для всех умерших обряда, а позднее — его исчезающей формой, обслуживающей похороны «нечистых» покойников, за которыми закреплены и другие архаические формы погребальной обрядности (см.: *Анучин* 1890). Например, в Польше самоубийцу не выносили из дома через дверь, а вытаскивали через окно, иначе в этот дом ударит молния (пол. ропчиц.) (*Biegeleisen* 1930: 247). Иногда и для следования погребальной процессии выбирали не обычную улицу, а особые, кружные пути (пол., в.-слав.), что также часто относилось к похоронам особой группы умерших (ведьм, висельников, утопленников). В некоторых случаях это объясняли желанием сбить с пути умершего и препятствовать его возвращению назад: в Калужской области гроб несли не сразу на улицу, а по собственному проулку на задворки, а оттуда прямо в церковь (рус.) (*Кремлева* 1993: 18).

Выбор на похоронах «нечистого» покойника другой дороги для следования процессии часто объясняли негативным влиянием таких покойников и похорон вообще на фертильность полей и погоду: в Польше умершего не несли через поля, чтобы не навредить урожаю (*Fischer* 1921: 319); опасаясь градобития, повесившуюся еврейку селяне не дали нести на кладбище через село (пол. саноц.) (*Kolberg* 51: 40); в Люблинском воеводстве считали, что в тех селах, через которые прошла процессия по дороге не кладбище, будут градобития, иногда даже в течении семи лет (*ZWAK* 1889: 123); в Полесье «А тóпляныка закóпаюць на кля́дбишчэ, онó нэ нэсúть сэлóm. Тóпляныка за сэлóm нэсúть — кáжуть, для дошчú и для гра́ду, кáжуть, цýло лúто сýша бúдэ, нэ бúдэ дошчú» (Чудель, сарнен., ровен.) (ПА). Запрет носить самоубийц обычной дорогой соблюдался и в Заонежье (*Логинов* 1993: 160).

В погребальную повозку волов запрягали так, чтобы ярмо смотрело в другую сторону, наоборот. Как только они трогались с места, кто-то из родственников покойного неожиданно выливал перед ним воду, из-за чего животные пугались и оборачивались. После этого их перепрягали нормально, и процессия трогалась в путь (пол. саноц.) (*Koberg* 49: 531). После выноса гроба из дома на Вятке его оборачивали против солнца и говорили: «Солнышко никогда в другу сторону не воротится, и ты уж не воротись» (рус.) (Вятский сборник 1994: 97). Похожие ритуальные действия имели место и далее: чтобы сбить с пути душу покойника, помешать ей найти дорогу назад, на первом перекрестке «путали следы», т. е. гроб оборачивали по солнцу три раза (рус. калуж.) (*Кремлева* 1993: 18). Подобные действия поляки производили возле придорожного креста: процессия останавливалась и все обходили крест три раза (*Fischer* 1921: 302). Те же приемы касались везущей гроб лошади, так как считалось, что в ней временно может находиться душа покойника. Лошадь обязательно перепрягали возле церкви (рус.) (*Кремлева* 1993: 18) или на кладбище, при этом ее обводили по ходу солнца вокруг саней или телеги (в.-слав.) (СД 2: 504).

Возвращаясь домой после похорон следовало во дворе дома или недалеко от него перевернуть воз, на котором везли покойника. Мотивировались эти действия тем, что с воза нужно «согнать душу умершего» (пол.) (*Fischer* 1921: 143); чтобы душа не вернулась (пол.) (РАЕ, тара 412); «вытряхнуть душу, если она случайно там осталась» (пол. жешов.) (*Biegeleisen* 1930: 209); «żeby śmierć weszła w ziemię, a nie w kogoś z otoczenia (rodziny)» [чтобы смерть вошла в землю, а не в кого-то из родни] (пол. мыслениц.) (*Skowronek* 1970: 253). На юге Польши это действие мотивировали тем, что «иначе на телеге будет тяжело ездить» (*Fischer* 1921: 145), потому что умерший будет сидеть на ней и доставлять лишнюю тяжесть коню (*Biegeleisen* 1930: 84).

В Белоруссии после похорон переворачивали воз оглоблями вверх так, чтобы задние колеса стояли на земле, а передние висели в воздухе «каб нябожчыку лягчэй было ехаць на неба» (ППГ: 141); в Вологодском уезде дровни, на которых везли мертвеца, переворачивали недалеко от дома и оставляли в таком виде до 40 дня, так как «до сорокового дня мертвец каждоночно приходит к дровням, на коих везен был на кладбище, намереваясь ехать домой, но найдя оглобли обороченными, возвращается в могилу» (рус.) (Толстой 1995: 215).

Уходя после похорон с кладбища, всю дорогу шли, пятясь спиной вперед (в.-слав.) (Зеленин 1991: 350). С кладбища выходили задом и выводили так же лошадь; дома подходили к печи, двигаясь задом наперед, открывали заслон и смотрели вовнутрь (рус. владимир.) (Завойко 1914: 96). Иногда считалось, что возвращаться с похорон следовало другой дорогой, не той, что несли умершего (серб., макед.), тогда покойник заблудится и не найдет дорогу назад (серб.) (СД 4: 309).

Мы рассмотрели однонаправленность движения похоронной процессии на кладбище, где тело сопровождает душа умершего и смерть, которая в данном случае оказывается вредоносным сверхъестественным существом, отличным и от тела, и от души умершего; запрет на движение назад и действия с семантикой наоборот, призванные запутать душу и смерть, обезопаситься перед возможными будущими несчастьями. Между тем, идеи о передвижениях души в традиционной культуре оказываются более разноплановыми и сложными: сначала душа выходит из тела и из дома, потом возвращается назад домой, пока умерший находится еще там, где для нее ставят специально воду и еду, она идет на кладбище вместе с гробом, после захоронения тела уже сама душа, но не смерть должна снова вернуться домой для участия в личных поминках, что также является важным фактором ее удачного будущего водворения на «том свете» и успешного раздела долей имущества между живыми и усопшими. «Сначала ана (душа) находзицца дома, дзевяць дней. Ана находзицца там, гдзе ана жыла. Ана там лятае. А патом ана ужэ уходзиць на мытарства. <...> И вот ана праходзиць дваццаць мытарств, можэ, за сорок дней, можэ за год, у каго как палучыцца, и тагда ана апредзеляецца врэменно до втарого прышества Суса Христа» (Старые Дороги, стародор., мин.) (ПМА); «Это уже як пахароняць, уже тады ему (покойнику) ставяць на акно (еду). И ён прыходзиць» (Новые Фаличи, стародор., мин.) (ПМА).

По мере прохождения времени с момента смерти, окончанием личных поминок (в день похорон, на второй, девятый, сороковой день после смерти, полгода, год и др.), душа все дальше уходит от дома, все реже возвращается в него, переходит из дома на его периферию, в хозяйственные постройки: «[Душа] двенацать днэй у хаты, а сорок днэй в будынку» (Чудель, сарнен., ровен.) (ПА). Из всей череды поминок особенно важным событием оказывается сороковой день – тогда душа окончательно покидает свое жилище и все дальше уходит на «тот свет»: «Пóсле сорок дней душá идé на небеса́. Сáмые глáвные сорочы́ны, до сарочы́н душá ешчó в дóме нахóдиця» (Золотуха, калинкович., гомел.) (ПА); «Сорок ден. Сорок ден душа в хате, а мýнет сорок ден, душа йде у моги́лу» (Вышевичи, радомышл., житомир.) (ПА); «В сорок дён, кажуць душá выхóдит з хáты» (Спорово, березов., брест.) (БФЭЛА); «Ну, кажуць, што за абразами [душа после смерти], и каторые кажуць, што памрэ чалавек, да дзевяти дней в хацэ ана абитае за абразами, як атправиш стол [устоишь поминки] — да идзёць ужэ, вылятае на небяса <...>. После дзевяци ана сразу улятае, а после сарака ана ужэ в небясах, кажуць, абитае» (Прусы, стародорож., мин.) (ПМА).

Окончательный уход души из земного мира, ее включение в сообщество ранее умерших и превращение в *предка* маркировано окончанием личной поминальной обрядности, снятием траура и отменой многих запретов. Например, после годовых поминок по умершему в доме покойного снимался запрет на танцы (з.-укр.) и свадьбы, в него снова приходили калядовщики (полес.) (ПА), на Пасху начинали красить яйца в красный цвет («Яйца красили, а мой муж як умёр, [в первый год] мы не красили. Мы с беленькими [на кладбище] хадзили» (Подлесье, слущ., мин.) (ПМА)) и пр. Покойного начинали поминать в рамках календарной обрядности (в *родительские субботы, деды, задушный день*) вместе со всеми остальными предками, когда их специально приглашали домой для участия в общем ужине с живыми и оставляли для них еду. «У нас справляли [поминки], радзицэльская для етого. У хацэ парадок наведзеш, сьвечку запалиш, Богу памолишся, памянеш, за стол садимся, гарилки наливали, еще что приготоуиш на стол. [А не приглашали покойника?] А як жэ! Ну, паминаеш, як паминаеш. “Частные радзицэли, прыхадзицэ усе, усех вядзицэ, и знакомых, и брацьев, сясцёр, бацэньки, маці”, – ну, усех перэчыслиш. <...> Ну, гаварыли, прыходзяць пакойники» (Журба, костюкович., могилев.) (ПМА); «Справляли, давно [деды]. Асенние, вясенние... Аладушки лажыли на окна, это прыдуць ужэ с то́го сьвету, паесць» (Прусы, стародорож., мин.) (ПМА).

Как следует из вышесказанного, возвращение возможно только для души, сменившей свой статус, ставшей одним из предков, приглашаемых домой на поминальные трапезы. Приход назад души, не преодолевшей всего пути на «тот свет» и не причисленной к разряду предков нарушало естественные законы, было опасным для сообщества и сулило новые смерти. В этом и заключается основное различие символических путей души в погребальной и поминальной обрядности: приход назад умершего означал несостоятельность всего произведенного погребального обряда, в первую очередь призванного правильно проводить душу на «тот свет» и восстановить границы между мирами живых и усопших; в то время как поминальная обрядность предполагала временное «гощение» души в родном доме, ее путь туда и назад на «тот свет», регламентированное обычаем возвращение умерших для контактов со своими живыми потомками, взаимовыгодный обмен между мирами. Такое кажущееся противоречие касается противоположных по смыслу мотивировок ряда ритуальных действий, исполняемых для того, чтобы «загородить» умершему путь назад, либо наоборот, чтобы его обеспечить.

Практически повсеместно фиксировались обычаи засыпать на похоронах дорогу до кладбища маком, сеном, цветами, еловыми ветками. «Як несуть мэртвецá, то кáдають сiна по трóшки на дорóзи, пóки не донесуть до клáдбишча» (Олбин, козел., чернигов.) (ПА); «Нясуть цвяты, брасаюць, а то наламаюць с сасны́ йли з ёлки, кладуць ветки — са дварá и да магiлы» (Грабовка, гомел., гомел.) (ПА); «Да, сыплюць, у нас хто цвяты, хто ёлки лапник сыплюць, да самага кладбишща» (Ветка, хотим., могилев.) (ПМА). Этот обычай интерпретируется в народе как способ проводить на «тот свет» душу умершего и закрыть, запорошить ему дорогу назад. «Ёлками дорогу делают покойнику, чтоб он дорожку-то на тот свет видел» (рус. арханг.) (*Добровольская* 2005: 111); «И сейчас (посыпают дорогу). Лапкой яловой. Дарогу так усцилаюць пакойнику» (Журбин, костюкович., могилев.) (ПМА); «Ветки еловые покойнику стелят, чтобы не вернулся» (рус. костром.) (*Листова* 1993: 61); В Польше вслед за гробом посыпают маком, чтобы покойник пришел домой не раньше, чем

соберет все зернышки (*Fischer* 1921: 349); умерший, которому не застелили дорогу еловыми ветками, возвращается каждую ночь домой, потому что ему «дорога не загорожена» (рус. смол.) (*Листова* 1993: 60–61). Иногда информанты подчеркивали, что обычай засыпать ветками или цветами дорогу касается только особой категории умерших — «заложных» покойников, тех, кто не дожил своего века. «Сейчас ветки покойнику кидают, а раньше старики говорили все — только утопленным и удушенным кидают... Чтoб им дорога была колючая, что они самоубийцы» (рус. владимир.) (*Добровольская* 2005: 111); «Вот когда ребенок помер или молодой кто, до свадьбы — дорожку цветами делают» (рус. арханг.) (там же); «Гэто кагда чалавек маладый умирае, уот с гэтай хаты маладый чалавек на матацккле забиўся, хлопец, брасали цвьяты, пакуда яго данясли да храста [на перекрестке] и далей пад горку брасали [до кладбища]» (Клепачи, пружан., брест.) (ПМА).

С другой стороны, застилание ветками дороги на кладбище в некоторых случаях мотивировалось желанием помочь душе найти путь в свой родной дом на поминки (Белая Дуброва, костюкович., могилев.) (ПМА); «<...> Наторяють дорогу покойнику, чтоб он приходил домой до шасти недель по етым ёлочкам» (рус. смол.) (СМЭС 2: 66); «<...> Якобы вешш́ать ёму, вёшечки делают покойнику, чтобы он по етым вёшкам шёл бы домой, ходил. До самого клáдбища. Сóрок, говорят, [дней ходит]» (СМЭС 2: 65); «<...> делают яму дорожку, чтоб ён ходил в свой дом» (СМЭС 2: 65). В Польше распространен обычай по дороге на кладбище или на обратном пути бросать на перекрестке либо на границе деревни солому, на которой лежал умерший «żeby nieboszczyk podczas wędrówki swej do domu żałoby mógł na tej słomie spocząć; gdyby nie znalazł wiązki słomy, nie wróciłby do grobu» [чтобы покойник во время своего пути домой мог на этой соломе отдохнуть; если бы он не нашел связки соломы, не смог бы вернуться в гроб] (*Biegeleisen* 1930: 55–56).

Те же самые мотивировки имел запрет на снование, прядение во время календарных поминок. «Я не помню, коб и снава́ли, не мата́ли на деды́, граха́ ба́лись, гамани́ли, дедáм даро́гу засну́еш, ани́ не при́дуць <...>» (Золотуха, калинкович, гомел.) (ПА); «На деды́ не мо́жна сновáты, бо деды́, як иты́ б́удуть у хáту, то запúтаю́ца ў крoснах» (Спорово, березов., брест.) (*Толстая* 2005: 76); «Нитки не снава́ли на дзяды́, што дарoга засно́вываеца умиру́шчому» (Челющевичи, петриков., гомел.) (*Толстая* 2005: 86); «На дедовой неделе кросён не снуюць, потому что старики вярят вечеру постную, не прибираюць со стола, потому что будут мерлые сноватца в деревне, будут бачыць их тень, уроди страха» (Дубровица, хойниц., гомел.) (*Толстая* 2005: 74); «Не, тада ужэ не, [нельзя] ни шыць ни прасць. Дзяды ж. Празьник. К дзядам гатовицца» (Лядно, слуц., стародорож.) (ПМА).

Таким образом, в мифологических представлениях о пути мертвых сталкиваются линейность и возвратность: с одной стороны, родные усопшего соблюдают ряд правил и запретов, чтобы предотвратить нерегламентированное обычаем и противоречащее порядку мироздания возвращения покойника в мир живых, превращение его в «ходячего мертвеца». С другой стороны, важнейшим элементом традиционной культуры является ожидание возвращения души умершего назад к близким для предписанного традицией участия в поминальных трапезах, посещения своих домов весной, помощи своим потомкам из потустороннего мира, забирания с собой и сопровождения на «тот свет» души нового усопшего, наконец, его окончательно возвращения в семью как души новорожденного. «Кáжуць, як хто помрэ́, душа

обернёца птахой какою, домой прилетиць, ў окно стукне да и сяде ў окне» (Дяковичи, житкович., гомел.) (ПА); «Душа вазвращаецца, гавараць, каму куда Бох пашлё. Пашлё бувае и на чалавека, и на жанчыну, и на звера, и на дзераво, яно усё равно вселяецца каму-то душа» (Бараново, стародорож., мин.) (ПМА); «Бох распраздзеляе, каго свиньей, каго каровой... Каго пщыцей, каго... Хто у Бога заслужыл, тут и туды и пойдзе...» (Прусы, стародор., мин.) (ПМА); «Гаварыли, что памрэ чалавек, так тая душа пераходзиць у младенца. Как рódзицца младзенец, и ана паселяецца ў младзенеца» (Новые Фаличи, стародорож., мин.) (ПМА).

Также приведенный материал дает возможность говорить о том, что в традиционной культуре метафизическое единство души и тела человека¹, разрушающееся в момент смерти, могло иметь еще и дополнительные компоненты: в контексте погребальной обрядности обнаруживается некая субстанция «смерть» (в данном случае отличающаяся от мифологического персонажа, приходящего забирать человека на «тот свет»), могущая прийти назад вместе с душой умершего или остаться в доме, где произошла смерть и убивать других его обитателей (ср.: когда тело выносят на подворье, открывают окно для того, чтобы вышла из хаты *смерть* и *душа*, когда тело уже на дворе, тогда запирают окно, чтобы *смерть* не вернулась в дом (укр. черновиц.) (Гнатюк 1912: 365) (курсив наш – М. А.); также предметы, бывшие в соприкосновении с покойным (постель, на которой он спал и умер, одежда, личные вещи (ложка, трубка и пр.); вода, мыло, тряпка, использовавшиеся при обмывании, щепки от гроба, носилки; полотно, которым его покрывали и пр.) содержат еще какие-то духовные части, делающие эти вещи и субстанции востребованными для разных типов магических воздействий, вредоносных или защитных. Например: «[воду, в которой мыли покойника] Вынасили, выливали далёка. [Могли ли с помощью ее навести порчу?]. Да, эта абычна берегли, чтобы ништо доступа не мог имець. Канешно, дзелали, такие людзи, дзелаць каму-та подласць. [Что тогда будет?] Ну, тада балезни <...>» (Теханичи, костюкович., могилев.) (ПМА); если в доме водились тараканы, такую воду выливали на печь, чтобы их вывести (пол.) (Dworakowski 1935: 145); жердь из носилок, на которых несли умершего, вбивали в засеянное поле, чтобы умерший отгонял воробьев от посевов ((пол.) (Biegeleisen 1930: 81), тоже (укр.)); уральские старообрядцы вывешивали одежду, в которой умер человек, на чердак жилого дома, где она висела до полного истления, полагая, что она воплощает в себе душу умершего (верещагин.) (Чагин 1993: 50).

Источники и материалы

БФЭЛА — Архив Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа. Рукопись. Минск. Булгаковский 1890 — Булгаковский Д. Г. Пинчуки: Этнографический сборник // Зап. ИРГО по отделению этнографии. Т. 13. Вып. 3. СПб., 1890.

Вятский сборник 1994 — Вятский фольклор. Заговорное искусство / ред. А. Вылегжанин. Котельнич: Котельнический районный центр русской культуры Кировской области. Вятский региональный центр русской культуры, 1994. 145 с.

Гнатюк 1912 — Гнатюк В. Похоронні звичаї й обряді // Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія наукового товариства імени Шевченка. Т. XXXI–XXXII. У Львові, 1912. 426 с.

¹ Иногда выделяется тело, душа, дух, тень, пара (см.: Афанасьев 1861, Шептинг 1889).

- Никифоровский* 1897 — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск: Губернская Типо-Литография, 1897. 307 с.
- ПА — Институт славяноведения РАН. Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора. Рукопись. Москва.
- ПМА — Полевые материалы Андриюниной М. А. Рукопись. Москва.
- ППГ — Пахаванні, памінкі, галашэнні / гал. рэд. А. С. Фядосик. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. С. 614.
- РПП — Русские пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
- СМЭС 1 — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни / отв. ред. О. А. Пашина. М.: Индрик, 760 с.
- СМЭС 2 — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О. А. Пашина, М. А. Енговатова. М.: Индрик, 2003. 548 с.
- ТМКБ 2 — Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 2. Віцебскае Падзвінне. Ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. Мінск: Беларуская навука, 2004. 912 с.
- Толстая* 2005 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005, 600 с.
- Чагин* 1993 — *Чагин Г. Н.* Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX в. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 183 с.
- Fischer* 1921 — *Fischer A.* Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Nakładem zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1921. 439 s.
- Kolberg* — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1961–1985. Т. 1–60. Т. 22: Łęczyckie. 1964; Т. 27: Mazowsze. Cz. 4. 1964; Т. 33: Chełmskie. Cz. 1. 1964; Т. 41: Mazowsze. Cz. 6. 1969; Т. 49: Sanockie–Krośnieńskie. Cz. 1. 1974; Т. 51: Sanockie–Krośnieńskie. Cz. 3. 1973.
- КРАЕ — Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. Т. 5. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia pogrzebowe / pod redakcją naukową J. Bohdanowicza. Wrocław, 1999. 225 s.
- РАЕ — Polski atlas etnograficzny / Pod red. J. Gajka. Warszawa, 1964–1974. Z. 1–5. (Неопубл. тома, посвященные духовной культуре, хранятся в Архиве филиала Института истории материальной культуры (ИНКМ) во Вроцлаве).
- Sychta* — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. Т. 1–7.
- ZWAK — Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1877–1895. Т. 1–18.

Научная литература

- Анучин Д.* Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда Археолого-этнографический этюд. М.: Тип. и словолит. О. О. Гербек, 1890. 146 с. (Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. 14).
- Афанасьев А. Н.* Заметки о загробной жизни по славянским преданиям // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. 3. СПб.: в тип. II-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии. 1861. С. 3–21.
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865–1869. Т. 1–3. Репринт. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. 411 с. Т. 2. 396 с. Т. 3. 414 с.
- Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
- Добровольская В. Е.* Суеверные представления, связанные с переходом в мир мертвых. На материале регионов Русского Севера и Центральной России. // Славянская традиционная

- культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции / отв. ред. А. С. Каргин. М.: [Государственный республиканский центр русского фольклора], 2005. Вып. 8. С. 107–119.
- Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губ. // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. Кн. 103–104. С. 81–178.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. Пер. с нем. К. Д. Цивиной. Примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович и К. В. Чистова. Послесл. К. В. Чистова. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Конобродська В.* Поліський поховальний і поминальні обряди // Етнолінгвістичні студії. Т. 1. Житомир: Полісся, 2007. 356 с.
- Кремлева И. А.* Похоронно-поминальные обряды у русских: традиции и современность // Похоронно-поминальные обычаи и обряды / науч. ред. З. П. Соколова, И. А. Кремлева. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 8–47.
- Кухаронак Т. І.* Сямейная абраднасць беларусаў // Сям'я і сямейны быт беларусаў / В. К. Бандарчык, Г. М. Курьловіч, Л. В. Ракава і інш. Мн.: Навука і тэхніка, 1990. С. 189–249.
- Листова Т. А.* Похоронно-поминальные обычаи русских (на материалах Псковской и Смоленской областей) // Похоронно-поминальные обычаи и обряды / науч. ред. З. П. Соколова, И. А. Кремлева. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 48–83.
- Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 229 с.
- Невская Л. Г.* Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1980. С. 228–239.
- Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 135–146.
- Плотникова А. А.* Семантика «наоборот» в языке славянской похоронной обрядности // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Н. И. Толстого / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 92–100.
- Седакова О. А.* Тема «доли» в погребальном обряде (восточно-южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 54–63.
- Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
- Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
- Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
- Шеппинг Д. Р.* Дохристианское воззрение человека на смерть и загробную жизнь. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1889. 28 с.
- Adamowski J.* Kategoria przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne. Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. 254 s.
- Biegeleisen H.* Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego. Warszawa: Dom Książki Polskiej Spółka AKC, 1930. 344 s.
- Dworakowski S.* Zwyczaje rodzinne w powiecie Wysoko-Mazowieckim Nakł. Warszawa: Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1935. 191 s.
- Kotula F.* Z Sandomierskiej puszczy (gawędy kulturowo-obyczajowe). Kraków: Wydawnictwo literackie, 1962. 264 p.
- Skowronek I.* Zwyczaje i obrzędy rodzinne // Monografia powiatu Myślenickiego. T. II. Kultura ludowa / red. naukowy R. Reinfuss. Kraków: Wydawnictwo literackie, 1970. S. 233–257.
- Stefaniuk M.* Śmierć i pogrzeb u Polaków zamieszkujących rumuńską Bukowinę // Twórczość Ludowa. Kwartalnik stowarzyszenia twórców ludowych. R. XX. Nr. 1–4 (60). Lublin, 2005. S. 80–88.

References

- Adamowski, J. 1999. *Kategoria przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne* [The Category of Space in Folklore. Ethnolinguistic Study]. Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 254 p.
- Anuchin, D. 1890. *Sani, lad'ia i koni kak prinadlezhnost' pokhoronnogo obriada Arkheologo-etnograficheskii etiid* [The Sledge, the Boat and Horses as Items of Funeral. Archeological-ethnographic essay]. Moscow. 146 p. (Drevnosti. Trudy Moskovskogo Arheologicheskogo obshchestva. Vol. 14).
- Afanasev, A. N. 1861. *Zametki o zagrobnoi zhizni po slavianskim predaniiam* [The Notes on Afterlife according the Slavic Tales]. In *Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedenii, otnosiashchikhsia do Rossii, izdavaemyi N. Kalachovym* [Archive of Historical and Practical Information Relating to Russia, ed. by N. Kalachov]. Vol. 3. Saint Petersburg. 3–21.
- Afanasev, A. N. 1995. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniia slavianskikh predanii i verovanii v sviazi s mificheskimi skazaniami drugih rodstvennykh narodov* [The Poetic Views of Slavs Towards Nature. The Attempt of Comparative Studies of Slavic Tales and Beliefs in Connotaion with Mythology of Other Relative Notions]. Moscow, 1865–1869. Vol. 1–3. Reprint. Moscow: Sovremennii pisatel'. Vol. 1. 411 p.; Vol. 2. 396 p.; Vol. 3. 414 p.
- Baiburin, A. K. 1983. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniakh vostochnykh slavian* [The Dwelling in Rites and Views of Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka. 188 p.
- Biegeleisen, H. 1930. *Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego* [The Death in Rites, Customs and Beliefs of Polish People]. Warsaw: Dom Książki Polskiej Spółka AKC. 344 p.
- Dobrovolskaia, V. E. 2005. *Suevernye predstavleniia, sviazannye s perekhodom v mir mertvykh. Na materiale regionov Russkogo Severa i Tsentral'noi Rossii* [Superstitious Notions Connected with the Transition to the World of the Dead. On the Data from Russian North and Central Russia]. In *Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremennyi mir. Sbornik materialov nauchnoi konferentsii* [Slavic Traditional Culture and the Modern World. Collection of Proceedings of the Scientific Conference], ed. by A. S. Kargin. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. Vol. 8. 107–119.
- Dworakowski, S. 1935. *Zwyczaje rodzinne w powiecie Wysoko-Mazowieckim* [Family Rites in Mazovian Province]. Warsaw: Nakł. Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. 191 p.
- Konobrodskia, V. 2007. *Polis'kij pohoval'nij i pominal'ni obryady* [Polesyan Funeral and Remembrance Rites]. In *Etnolingvistichni studii* [Ethnolinguistic Studies]. Vol. 1. Zhitomir: Polissya. 356 p.
- Kotula, F. 1962. *Z Sandomierskiej puszczy (gawędy kulturowo-obyczajowe)* [From the Sandomierz Forest (Tales of Culture and Customs)]. Kraków: Wydawnictwo literackie. 264 p.
- Kremleva, I. A. 1993. *Pokhoronno-pominal'nye obriady u russkikh: traditsii i sovremennost'* [The Funeral-remembrance Rites of Russians: Traditions and Contemporaneity]. In *Pokhoronno-pominal'nye obychai i obriady* [Funeral and Memorial Customs and Rites], ed. by Z. P. Sokolova, and I. A. Kremleva. Moscow: IEA RAN. 8–47.
- Kuharonak, T. I. 1990. *Syamejnaya abradnasc' belarusaŭ* [The Family Rites of Belorussians]. In *Syam'ya i syamejny byt belarusaŭ* [Family and Family Life of Belarusians], ed. by V. K. Bandarchyk, G. M. Kurylovich, L. V. Rakava, et. al. Minsk: Navuka i tekhnika. 189–249.
- Listova, T. A. 1993. *Pokhoronno-pominal'nye obychai russkikh (na materialakh Pskovskoi i Smolenskoi oblasti)* [The Funeral-remembrance Rites of Russians (on the Data from Pskov and Smolensk Provinces)]. In *Pokhoronno-pominal'nye obychai i obriady* [Funeral and Memorial Customs and Rites], ed. by Z. P. Sokolova, and I. A. Kremleva. Moscow: IEA RAN. 48–83.
- Loginov, K. K. 1993. *Semeinye obriady i verovaniia russkikh Zaonezh'ia* [Family Customs and Beliefs of Zaonegie Russians]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. 229 p.
- Nevskaia, L. G. 1980. *Semantika dorogi i smezhnykh predstavlenii v pogrebal'nom obriade* [The Semantics of Road and Corresponding Notions in the Funeral Rite]. In *Struktura teksta* [The Structure of the Text], ed. by T. V. Tsiv'ian. Moscow: Nauka. 228–239.

- Nevskaia, L. G. 1990. Balto-slavianskoe prichitanie: Rekonstruktsiia semanticheskoi struktury [The Baltic-Slavic Keens: Reconstruction of the Semantic Structure]. In *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Pogrebal'nyi obriad* [Studies in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. Funeral Rites], ed. by V. V. Ivanov, and L. G. Nevskaiia. Moscow: Nauka. 135–146.
- Plotnikova, A. A. 2013. Semantika «naoborot» v yazyke slavyanskoi pokhoronnoi obriadnosti [The Semantics of “Vice Versa” in the Language of Slavic Funeral]. In *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiiu akademika N. I. Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th Anniversary of Academician N. I. Tolstoy], ed. by S. M. Tolstaia. Moscow: Indrik. 92–100.
- Sedakova, O. A. 1990. Tema «doli» v pogrebal'nom obriade (vostochno-yuzhnoslavianskii material) [The Notion of “Share” in Funeral Rite (Eastern and Southern Slavic Data)]. In *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Pogrebal'nyi obriad* [Studies in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. Funeral Rites], ed. by V. V. Ivanov, and L. G. Nevskaiia. Moscow: Nauka. 54–63.
- Sedakova, O. A. 2004. *Poetika obriada. Pogrebal'naia obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian* [The Rite's Poetics. Funeral Customs of Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik. 320 p.
- Shepping, D. R. 1889. *Dokhristianskoe vozzrenie cheloveka na smert'i i zagrobnuiu zhizn'* [Pre-Christian Notions of Death and Afterlife]. Moscow: Tipo-litografiia Vysochaishe utverzhdenno go tovarishstva I. N. Kushnerev i Ko. 28 p.
- Skowronek, I. 1970. Zwyczaje i obrzedy rodzinne [Family Rites and Customs]. In *Monografia powiatu Myślenickiego*. Vol. II. *Kultura ludowa* [Monograph of Myślenice County. Vol. II. Folk culture], ed. by R. Reinfuss. Kraków: Wydawnictwo literackie. 233–257.
- Stefaniuk, M. 2005. Śmierć i pogrzeb u Polaków zamieszkujących rumuńską Bukowinę [The Death and Funeral of the Polish in Romanian Bukovina]. *Twórczość Ludowa. Kwartalnik stowarzyszenia twórców ludowych* R. XX 1–4 (60): 80–88.
- Tolstaia, S. M. 2008. *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshcheslavianskoi perspektive* [The Space of the Word. Lexical Semantics in Common Slavic Perspective]. Moscow: Indrik. 528 p.
- Tolstoi, N. I. 1995. *Yazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike* [The Language and Traditional Culture. The Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistic]. Moscow: Indrik. 512 p.
- Zavoiko, G. K. 1914. Verovaniia, obriady i obychai velikorosssov Vladimirskoi gubernii [Beliefs, Rites and Customs of Great Russians in Vladimir Province]. *Etnograficheskoe obozreniye* 3–4: 81–178.
- Zelenin, D. K. 1991. *Vostochnoslavianskaia etnografiia* [Eastern Slavic Ethnography]. Moscow: Nauka. 511 p.